

ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ В ТРЕХ КНИГАХ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Хрестоматия

Министерство образования и науки РФ

Рекомендовано ФГАУ «Федеральный институт развития образования»
в качестве учебного пособия для использования в учебном
процессе образовательных организаций, реализующих программы
высшего образования по специальностям 31.05.01 «Лечебное дело»,
30.05.01 «Медицинская биохимия», 30.05.02 «Медицинская биофизика»,
30.05.03 «Медицинская кибернетика», 31.05.02 «Педиатрия»,
31.05.03 «Стоматология», 32.05.01 «Медико-профилактическое дело»

Регистрационный номер рецензии 151 от 03 июня 2016 года

Москва

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ГЭОТАР-Медиа»

2017

О МЕТОДЕ ПОЗНАНИЯ В МЕДИЦИНЕ

Герман фон Гельмгольц

Мышление в медицине.

**Речь, произнесенная в юбилейный день основания
военно-медицинских образовательных учреждений,
2 августа 1877 г.**

<...>

...В ходе развития медицины заключается великий урок по адресу истинных принципов научных исследований, и положительная часть этого урока, быть может, никогда прежде так настоятельно не исповедывала, как в последнее поколение. Так как на мою долю в настоящее время выпало преподавать ту естественную науку, которой надлежит делать наиболее широкие обобщения и излагать смысл основных понятий и которой народы, говорящие на английском языке, присвоили довольно удачное название *natural philosophy*, то не будет слишком далеко от круга моей специальной деятельности и моих личных занятий, если я буду здесь говорить о принципах научной методике для опытных наук.

<...> ...В обычае старого времени было соединять изучение медицины с изучением естественных наук, и то, что было в этом принудительного, я должен почитать за счастье. Не только потому, что я вступил в область медицины в такой период, когда всякий, кто был лишь в умеренной степени знаком с физикальным образом

мышления, находил плодоносную девственную почву для обрабатывания, но я смотрел на занятие медициной как на ту школу, которая давала мне возможность более, чем всякая другая, углубиться в вечные основные положения всех научных работ — в те основные положения, которые так просты и тем не менее постоянно приходят в забвение, которые так ясны, но постоянно затемняются обманчивым покрывалом.

Нужно самому стоять перед надломленным взором умирающего, нужно самому слышать вопли отчаяния его семьи, нужно самому себе задать, перед лицом смерти, грозный вопрос: все ли было сделано для предотвращения рокового события и приготовила ли сама наука все знания и средства, какие она обязана была приготовить, — чтобы знать, что познавательные теоретические вопросы о методике науки также могут иметь полновесное значение и громадную практическую важность. Исключительно теоретический исследователь пусть с надменной и холодной улыбкой взирает на то, как по временам хозяйничают в науке и поднимают пыль суетность и всякие измышления, — лишь бы его самого ничто не тревожило в его рабочем кабинете! Пусть он также находит интересными и извинительными предрассудки старых времен и считает их остатками поэтической романтики и юношеской мечтательности, — для того, кто должен бороться с враждебными силами действительности, пропадают индифферентизм и романтика, то, что он знает и умеет, подвергается более строгому испытанию, — он может пользоваться только ярким светом фактов, он должен отречься от желания качаться в приятных иллюзиях.

<...>

Чтобы одним словом обозначить основную ошибку старого времени, я бы сказал, что оно гонялось за ложным идеалом научности в односторонней и неправильно ограниченной переоценке дедуктивного метода. <...> ...История этой науки представляет совершенно особенный интерес в истории развития человеческого духа. Никакая другая наука, быть может, не способна показать в такой степени, что правильная критика источников знания есть и в практическом отношении в высшей степени важная задача истинной философии.

Как бы знаменем старого дедуктивного метода служило гордое слово *Гиппократ*:

«Богу подобен врач-философ»¹.

Мы можем оставить это изречение в силе, если мы только надлежащим образом определим, что нужно понимать под «философом». Древние понимали еще философию как теоретическую науку; их философы занимались также математикой, физикой, астрономией, естественной историей — в тесной связи с собственно философическими и метафизическими рассуждениями. Таким образом, если мы захотим под врачом-философом, в смысле *Гиппократа*, разуметь ученого, вполне углубившегося в причинную связь процессов в природе, то мы на самом деле в состоянии будем сказать вместе с *Гиппократом*, что такой врач может помогать людям, подобно Богу. В таком толковании высказанное *Гиппократом* положение обозначает в трех словах тот идеал, к которому должна стремиться наша наука. Достигнет ли она его когда-нибудь — кому дано это сказать?

Но откладывать на столь долгий срок свои надежды было не по душе тем служителям медицины, которые желали уже при своей жизни чувствовать себя богоподобными и казаться таковыми другим смертным.

Притязания на «философа» пришлось поэтому значительно сократить. Всякий начинавший знакомиться с какою-либо всеобъясняющей системой, в которую — хорошо ли, худо ли — должны были укладываться факты действительности, воображал себя философом. О законах природы философы того времени знали ведь не особенно много, не более, чем люди простые, не ученые. Поэтому вся сила их стремлений направлена была прежде всего на мышление, на логическую последовательность и полноту *системы*. Понятно само собой, что в юношеском периоде образования дело должно было дойти до одностороннего переоценивания чистого мышления. На мышлении зиждется превосходство человека над животным, образованного над варваром, но ощущение, чувство, восприятие он разделяет с низшими созданиями, а в остроте чувств он часто

¹ В источнике эта цитата приведена в том числе и на древнегреческом языке. Данное издание является учебным пособием, поэтому фрагмент не приводится. — *Примеч. авт.-сост.*

им даже очень уступает. Что человек стремится дать своему мышлению высшее развитие — это задача, от решения которой зависит чувство его собственного достоинства, равно как его практическая мощь, и было, конечно, естественной ошибкой, когда рядом с этим считали безразличным и неважным то, что природа дала и животному из области душевных качеств, и тогда мышление сочло себя вправе отрешиться от своей естественной основы — наблюдения и воспринимания, чтобы предпринять Икаров полет² метафизической спекуляции.

<...>

Я не хочу провести вас через пестрый лабиринт патологических теорий, которые, смотря по переменчивым склонностям их авторов, вызванным тем или другим приростом естественно-исторических знаний, первоначально создавались врачами, приобретшими себе, в качестве великих наблюдателей и искусных лекарей, независимо от их теорий, покойную жизнь и видимую славу. За ними следовали менее одаренные ученики, копировавшие своих учителей, раздувавшие их теории, делавшие их более односторонними и более логичными, не смущаясь противоречиями с природой. Чем строже была система, тем ограниченнее и решительнее были способы врачевания. Чем сильнее школы попадали в тиски под напором накопившихся действительных знаний, тем нетерпимее становились они к новшествам. Великий реформатор анатомии Везалий был вытребован к ответу теологическим факультетом Саламанки, и книга его, в которой он описывал легочное кровообращение, была предана сожжению, а Парижский факультет запретил изложение открытого Гарвеем (Harvey) кровообращения в теле.

При этом основы систем, от которых исходили эти школы, большею своею частью были естественно-исторического направления, и применение их было бы вполне в порядке внутри ограниченного кружка. Но что было не в порядке — это ложное представление, что более научно строить все болезни на одной общей основе, нежели понимать каждую болезнь различно. Солидарные патологи сводили все на из-

² Икар содержался в плену в лабиринте острова Крита. Вместе со своим отцом он намеревался долететь до Афин на крыльях из воска, но упал в море, так как летел чересчур близко к солнцу, которое растопило воск его крыльев.

менение механики в твердых частях, именно на их измененное натяжение, на их *strictum et laxum*, на их тонус и атонию, позднее — на натянутые или расслабленные нервы, на застои в сосудах. Гуморальные патологии знали только изменения в смешении. Четыре главные жидкости, представители классических четырех элементов — кровь, слизь, черная и желтая желчь — у других *acrimoniae* или дискразии, — которые можно было изгонять из тела потом и поносом, в начале нового времени также кислоты и щелочи, или алхимические *spiritus* и *qualitates occultae* принятых внутрь веществ, — таковы были элементы этой химии. Промежуточно на сцену выступали всякие физиологические воззрения, из которых некоторые заключали в себе удивительные предчувствия, например $\xi\mu\theta\upsilon\tau\omicron\theta\theta\epsilon\rho\mu\acute{o}\nu$ ³, привитая животная теплота Гиппократова, поддерживаемая пищевыми средствами, их в свою очередь переваривающая в желудке и служащая источником всякого жизненного движения. Здесь уже посеяны семена того вопроса, который впоследствии повел к открытию врачами эквивалентных отношений между механической работой и теплотой, а равно к научной формулировке закона о сохранении силы. Но зато *πνεῦμα* — полудух, полувоздух — которая из легких направлялась в артерии и их наполняла — вызвала много грубых заблуждений. То обстоятельство, что в артериях мертвых тел обыкновенно находят воздух, проникающий ведь в них лишь в то мгновение, когда их взрезают, привело древних к ложному выводу, что этот воздух содержится в артериях и при жизни. В таком случае для крови оставались только вены, в которых она не могла циркулировать. Полагали, что кровь образуется в печени, от нее направляется к сердцу и через вены притекает к органам. Всякое внимательное наблюдение любого кровопускания должно было бы указать, что по венам она течет с периферии и идет к сердцу. Но фальшивая эта теория так сроднилась с объяснением лихорадок и воспалений, что она получила значение догмата, нападать на который было сопряжено с опасностью.

<...> Старинные философы и врачи полагали, что они вправе дедуцировать прежде, чем общие положения будут утверждены индукцией.

³ Здесь и далее сохранена авторская редакция написания древнегреческих слов.